

Отметины таланта

Александр Ерофееву сорок пять

ИТОЖА ПРОМЕЖУТОЧНОЕ в биографии Алекса, как он обозначает себя в правом нижнем углу живописных работ, следует принять на слово, что к нынешним сорока пяти он добился того, чем не каждый может похвалиться и у последней черты. О нем знают, за ним признают, на худой конец, про него что-то такое слышали.

То есть, по Рустаму Мусину, у него уже произошло:

*И вновь как будто бы о славе,
Но не о ней мечтаю я:
Хотя б царяину оставил
На пыльной тверди бытия.*

Но парадокс в том, что к Ерофееву — при всей его небезызвестности — как-то неприменимы сопутствующие дополнительные: признание, успех и дополняющие их шум и движения.

Что-то он такое всю жизнь выстраивал и выстраивает, которое не явно яркое, которое не допускает вовнутрь не только инородного, но даже и близкого по духу. И вот это исключительно личное, неприкасаемое неким чудесным образом однажды вдруг становится — востребованным, нужным, даже необходимым — таким, без чего уже невозможно представить себе настоящее...

В начале марта 1978-го, на второй день по приезде в Магнитку, автор этих строк, выяснив по объявлению в «мэзрке» место встречи тутошних литераторов и не найдя входа в редакцию, перелез через забор, нашел конференц-зал редакции и предстал там перед хитро-теплым взглядом садышей беломорину Нины Георгиевны Кондратовской. Потребовав представиться, рассказать о себе и почитать свое и внимательно выслушав, она объявила реимено: Николай Нежный. И это не прижилось. На перекуре, знакомясь с новыми со-перниками — знакомясь,

как оказалось, на всю остатную жизнь — я в ответ обозначил ее: баба Нина. И это закрепилось. Больше я тогда ничего и никого не обозначил, а следовало бы быть попрозорливей, потому что в тесном кружочке курильщиков находился и скромно-застенчивый, но себе на уме, восемнадцатилетний юноша — «мальчишка, баловень, каприза», с которым нам предстояло переплестись судьбами столь тесно, что теперь они воспринимаются если не единой, то через очень коротенькую дефиску сдвоенной судьбой.

Саша Ерофеев... Конечно, вскоре я услышал о нем. Потому что он объявлялся именно там и тогда, где и когда в те времена было по-доброму и по-чистому интересно. Будто взвившийся первыми же мощными взмахами театр «Буратино» (вон тот вон рабочий сцены между кулисами — это Ерофеев). Или многострунные ночи Урал-Тау (у того вон элитного костра — для организаторов и коренных исполнителей — опять узнаем его же). Или среди книжников на левобережном рынке ли, в магазине «Книги» на Ленина, 50. Опять же на городском ЛитО. Или вдруг возникает он в качестве журналиста в редакции «Магнитострой» — третьей в Магнитке по негласной газетной иерархии, зато первой — по веселой отвязности, славной нерушимым танемом русского цыгана Виктора Туманова и коренного сибиряка Владимира Каганиса.

Однажды, на подступах к горбачевским временам, узнаю: Ерофеев стал библиотекарем. Так себе библиотечка, филиал филиала, ее сейчас и вовсе нет. Заглядываю туда, обеспокоенный, — покатылся парень в сторону тихого сумасбродства, или как? Ведь ни зарплатки к такому труду не прилагается толковой, ни общественного понимания, ни, конечно же, спокойной семейной дей-

ствительности. Но нахожу его в состоянии не протрации, но полного благодушного равновесия. Читает себе, что-то пописывает, переложением переводов с латинского балует.

Задним числом только понял я, что этим непродолжительным сидением Саша, вольно или нет, решал две задачи: во-первых, самообразовывался, во-вторых и в главных — приготавливал свой дух к свободному полету в свете концентрирующегося в воздухе ощущения грядущих перемен. Да нет, насчет приобретения элементарного высшего — он не тупой; просто он всегда панически боялся учительствования, и потому, трижды поступив в пединститут, трижды же и не окончил его.

Что же до предстоявших перемен, то их Ерофеев встретил весьма подготовленным. Оставив политическую сторону массовых тусовок второй половины 80-х для масс, он с головой окунулся в бурный поток перемен в мире культуры. Песни, стихи и просто треп на «Сухом фонтане» — это для него. Самиздатовские книжицы — то же самое. Неформальная литгруппа «Дыхание» с собственным одноименным альманахом (едва не запоздавшая прививка андеграунда Магнитогорску) также пришлось Саше по вкусу. Пошла колбасить кооперация — чипочки, магазинчики, он слету придумывает и учреждает салон современного искусства «Артея» — арт от Ерофеева. Чуть проклюнувшись идея литературного журнала «Берег А» — и вот уже он соредатор первого выпуска, а в последовавших двенадцати — незаменимый «одноместный» редактор.

На фоне столь активной позиции в выстраивании новой творческой среды Магнитки вполне естественными стали и такие отметины в его биографии, как организация первых выставок современного искусства,

проведенных «Артеей» в картинной галерее, выпуск, совместно с управлением информации комбината, журнала, альманахов и десятков книг местных авторов, учреждение литконкурса им. К. Нефедьева, фестиваль поэзии под эгидой ЮНЕСКО на магнитогорской земле в год 70-летия ММК, который, год, город встретил под четкой эмблемой руки Ерофеева-художника.

Неудивительно, что первым «администратором», то бишь председателем, новоиспеченной Челябинской региональной организации Союза российских писателей был единогласно избран А. Е. И было бы странным и неприличным для этого немногочисленного, но ревностно-взвешивающего сообщества, если бы сам он не был «играющим тренером». Две книги стихов и малой прозы и третья на сносях — не просто оправдание «статуса», но действительно

полнокровные сборники текстов, еще ждущих, как всегда в нерасторопной в культурном плане Магнитки, своих филологов и литературоведов. («...Если так говорится по-русски». О. Шуров). Не боись, Ерофеев, примем роды, не впервой, и буде запоздают местные исследователи, объявятся иногородные, допустим, столичного местожительства. Благо для пристального внимания читателей и специалистов подоспела новая идея (нам ведь без них не можно, а иначе зачем высоту-то набирать было?) — выпуск антологии «Литература Магнитки. Избранное». В реализацию которой тебе и «добро пожаловать» говорить не приходится — ты, как всегда, где новое и истинно чистое — тут как здесь. С новой отметиной тебя и нас, Александр Ерофеев. С новым выюком на наши потерянные верблюжьи спины.

Николай ЯКШИН.

Путь одиночества

О ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Среди множества ныне популярных развлекательных книг, назовем их «для массового потребителя», стихи Александра Ерофеева, содержательные, философичные, пробуждающие память о классике и классиках, — луч солнца на затянутом тучами небе. Сравнение с солнцем — желтым и круглым — пришло не случайно. Цвет книги «По темной воде» (1997) — желтый. Да и кругов в ней предостаточно — и на уровне формы, прежде всего композиции сборника, и на уровне содержания. Произведения Ерофеева предваряют зарифмованные слова пророка Екклесиаста «В круге вечном». Первое и последнее стихотворения — это кольцо, очерчивающее настроение пустоты, которое в начале навевается смертью, а в конце — пониманием того, что выговорился, исповедался — и вымолвить нечего. Но это только «пока»...

*И часов глухая поступь
Размыкает новый круг.*

Время. Течение времени. Тема в творчестве Ерофеева очень заметная. Он упоминает и прошлое, и настоящее, и будущее. Мотивы этих «ликов» времени встречаются почти в каждом стихотворении: «А разговоры все...», «Если что и останется...», «Из юности (угасающее)», «Дом», «То ли тенью сквозит...» Позабывть прошлое, стереть его из памяти невозможно,

ведь «летать — мы еще не научились» («Дом»). Жизнь человеку дана одна, и жить надо так, чтобы не пришло

*осознание былого
гулким сном пустых зеркал.*

Невольно начинаешь задавать себе вопросы: «А с чем я приду к концу? Правда ли, что так страшна память о несделанном, утраченном, утерянном?» Невольно, незаметно для себя присоединяешься к философским блужданиям лирического героя.

Течение времени связано с течением человеческой жизни, а она состоит из несбывшегося (упущенное время), из обыденного, рутинного, повседневного (победившее человека механическое время). Кажется, лирический герой Ерофеева рутину времени, бытия, жизни не осуждает. От нее не убежишь. Она — страшная неизбежность, которая вечно преследует человека. Но иногда «передвинуть, как мебель, // на плоскость иную — себя» все-таки стоит («Эпикриз»). Другое дело, «что это почти невозможно». А это уже эпикриз заключительный, диагноз окончательный.

Замкнутый круг человеческого существования — одиночество. У многих поэтов мотив одиночества связан с противопоставлением «я» и «вы». Ерофеев может писать об одиночестве «мы». И все же, читая его тексты, не можешь поверить, что лирический герой желает остаться один. В стихотворении «Какою-то тайною си-

лой влеком...» он провожает ангела спокойно:

*Дай Бог тебе ангел мой,
Дай тебе Бог.*

Но спокойствие это — внешнее. Душу его одолевает тоска, мука: «но так это больно, что хочется — выть», «и тихо, и пусто, и в горле комок».

Прочитаем стихотворение «Вечерний день». Поющая птица здесь — аллегория поэта, которого почти никто не слушает, который никого не интересует. Равнодушные людей к жаворонку осуждается, потому что поэт жаждет внимания, жаждет общения, а не одиночества («Впрочем, и это было ему уже безразлично»).

Выбор пути от «я» ко «всем» сделан. Это путь из одиночества в вечность. Он обозначен в стихотворении «...от разлада души...», в шестой части «Блужданий»: «просто стану всеми людьми, когда умру...», «путь всей жизни, путь от «я» ко «всем»? Круг «я» начинается размыкаться... Превращаясь в приоткрытую, приглашающую звать дверь на обложке сборника «Под знаком Водолея» (2003). Книга и по содержанию «распахнута» больше, чем «По темной воде». Путешествие в мир лирического героя теперь дается читателю легче. Помимо уже знакомых по ранней книге произведений сюда включено много нового. К примеру, сочинения на тему любви: «Два стихотворения», «Такая с тобою нам вышла стезя...», «Когда она уснула...», «Ты спишь», «Я не влюблен», отрывок из «Блужданий» и дру-

гие. Герой Ерофеева не из тех, кто будет петь серенады под окном возлюбленной, кто предпочитает заходить к ней в гости через балкон. Он спокоен, сдержан, внешне не экспрессивен, но внутри — пламя, мука:

— У тебя редкий дар: объясняться в любви молча.

— Да уж... (Только глазами, граждане, только — глазами... Какая же это мука, Господи!)

Обращения к женщине не кричащие. Они сравнимы с тихим, ласкающим, обволакивающим шепотом, как в «Двух стихотворениях».

Но, даже говоря о любви, Ерофеев навевает настроение пофилософствовать. О времени, о себе, о повседневной жизни. Меня поразила текст «Дождь в Париже». Кажется, что автор сидит рядом с тобой, рассказывает простую незамысловатую историю. Сюжет, на первый взгляд, банальный: утренний звонок старого приятеля, приглашение в Париж, удивление, отказ, брошенная трубка. Но что означает этот Париж? Конечно, это не просто город. Это «плоскость иная», на которую герой «передвинуть себя» не хочет, не может: «Какой, к лешему, Париж? Зачем он мне? Не хочу я туда, да и вообще — никуда. Что у меня дел нет?»

Всего лишь настроение...

Елена НИКУЛИНА,
учащаяся лицея при МаГУ.